

УДК 94(47)+330; 339.1

А.Г. Киселев

К вопросу о различиях модернизационных перемен на севере и юге Западной Сибири на рубеже XIX-XX веков

Аннотация. В статье поставлен вопрос о сравнении хозяйственно-культурных перемен, изменений в массовом сознании, связанных с развитием торговли на Тобольском Севере и в Казахской степи в конце XIX – начале XX вв. Автор определяет некоторые специфические черты степной торговли и предпринимательства, приходит к выводу о ментальных подвижках в сознании отошедших от кочевого образа жизни казахов.

Ключевые слова: модернизация, колония, традиционный тип хозяйства и образ жизни, натуральное хозяйство и торговля, повседневность, «свои» и «чужие», изменения в сознании.

A.G. Kiselev

To the question of modernization changes in the north and south Western Siberia at the turn of the XIX-XX centuries

Summary. The article raised the question of comparing the economic and cultural changes, changes in the mass consciousness, related with the development of trade in the North of Tobolsk area and in Kazakhstan steppe in the end of the XIX – beginning of XX centuries. The author identifies some specific features of the steppe trade and business, comes to the conclusion about the mental progress in consciousness of Kazakh people retired from the nomadic way of life.

Keywords: modernization, colony, traditional type of economy and mode of life, subsistence farming and trade, «daily life», «ours» and «others», changes in consciousness.

На рубеже XIX-XX вв. в социально-экономическом, социокультурном отношении Западная Сибирь представляла собой регион, переживавший вслед за Центральной Россией, Уралом процесс модернизационных изменений. Процесс этот, в большей или меньшей степени затронувший все сферы жизни региональных сообществ, был противоречивым. Разрушение старых структур и смыслов отнюдь не означало немедленную их замену новыми. Отсюда широкое распространение «мутирующих», переходных форм социальной реальности, пестрота социально-экономических укладов, ментальностей.

Это разнообразие «умножалось» еще и наличием нескольких зон, отличающихся особыми естественно-природными, демографическими, социокультурными условиями. Речь идет, прежде всего, о районах, населенных полностью или почти исключительно аборигенным, не русскоязычным населением.

На Тобольском Севере, этническую карту которого определяли ханты, манси, ненцы и коми, развивались оленеводство, рыбная ловля, охота и собирательство. На Алтае, в районе Телецкого озера и бассейне р. Катунь, кочевали алтайцы, телеуты и теленгиты, промышленявшие охотой и сбором дикоросов. Развитое кочевое скотоводство существовало у казахов в южной Западносибирской, Казахстанской степи. Все это были формы хозяйства традиционного, натурального типа, «замкнутые в себе».

Ишимская и Барабинская степи, Алтай, отчасти Казахстанские степи притягивали русское земледельческое население, активно селившееся и значительно севернее – в лесостепи. Полоса вдоль Транссиба стала не только главным зернопроизводящим районом, но и районом торговым, промышленным, в основном связанным с переработкой местного сельскохозяйственного сырья. Именно этот район, где размещались главные города Западной

Сибири, выступал по отношению к районам национальным в качестве своеобразного «местного центра», в то время как национальные районы относились к нему как «местные колонии» или «колонии вдвойне» [1, 10].

Великие Сибирские реки Обь и Иртыш, приютившие на своих берегах разные племена и народы, не соединили эти «ойкумены», имевшие слишком уж разные естественно-географические условия бытования, слишком сильно различавшиеся хозяйственно-культурные типы, сильно отличные друг от друга поведенческие коды, выражавшие особенности национальной психологии и культуры.

При этом процесс некоторого сближения, основанного на взаимном интересе определенных социальных групп: предпринимателей-промысловиков, торговцев и представителей верхов аборигенных сообществ, процесс, обозначившийся вполне уже в XVII в., во второй половине XIX – начале XX вв. постепенно активизируется. Можно говорить и об изменении характера этого процесса, в том числе его экономической составляющей. В прежнюю эпоху завоевания Сибири и ее, так сказать, первичного освоения Россией, тонкие ниточки связей сплетались почти исключительно вокруг ценных видов пушнины – соболя, горностая, чернобурки, мех которых являлся предметом роскоши, одной из универсальных валют того времени. Да и сами эти связи были скорее фискальными, нежели торговыми. К концу XIX – началу XX вв. ситуация сильно меняется. На фоне истощения пушных богатств добываются с целью продажи или обмена уже менее ценные меха. Наряду с ними в товарный оборот попадают рыба и дикоросы [2, 727].

В то же время нарастает движение русского земледельческого населения и торгового капитала на юг, в Казахстанскую степь. Во все больших количествах вывозится из региона сибирский товар – шкуры, мех, волос, живой скот и продукты скотоводства. Наконец, степь становится важнейшим потребителем российской продукции, доставлявшейся сюда торговцами.

В повседневности Севера и Юга эти изменения проявились в распространении новых товаров, в том числе таких, которые суще-

ственно влияли на традиционные занятия и образ жизни населения. Достаточно указать на огнестрельные охотничьи ружья, сепараторы, сельскохозяйственные машины и, скажем, табак и водку. Наряду с давно известными ярмарками открылись торговые представительства купеческих фирм, участвовали деловые и бытовые контакты коренного населения с пришлыми коммерсантами. В общественном, индивидуальном сознании начали складываться и некие образы «нового», «делового», «рационального», которые в зависимости от разных факторов и обстоятельств воспринимались положительно или с осуждением, но в любом случае с интересом. При этом в центре таких представлений зачастую оказывались не только сами «новации», но и несущие их с собой торговцы.

В этом отношении ситуации на Севере и Юге были в чем-то похожими, а в чем-то различными. И на Севере, и на Юге предприниматель и его служащие были, как правило, если и не совсем «чужими», то и не «своими»: русскими, казанскими татарами, сартами, коми, зырянками и т.д. И там и здесь пришлые коммерсанты и их представители бывали и сезонно – наездами, на ярмарках, и обосновывались стационарно, открывая фактории. В обоих регионах в практике торговли широко был распространен натуральный обмен, кабальное кредитование покупателя.

В то же время можно предполагать, что уровень рыночных отношений, степень их восприятия массовым сознанием в южной степи были заметно выше, интенсивнее, нежели на Севере. Во-первых, города Акмолинск, Семипалатинск, Кокчетав, Верный и другие были доступнее для степняка, нежели Сургут, Березов, Обдорск для северянина. Именно городская базарная торговля, по оценкам современников, способствовала постепенному вытеснению меновой, кабальной торговли торговлей за наличный расчет [3, 73; 4, 451]. В то же время скупка рыбы на Севере по-прежнему строилась на основе внеэкономических отношений. Широко была распространена мена или покупка рыбы у местного населения с расчетами «плохими и дорого поставляемыми товарами», спаивание продавца-аборигена [5, 97; 6, 181].

Во-вторых, в Казахстане, в отличие от Югры, к началу XX в. появляются группы коренных «коммерсантов». Это, прежде всего, слой мелких торговцев-казахов («алып-сатаров»), «которые, разъезжая по степи с мануфактурными и другими товарами, частью выменивают у своих собратий сырье, а частью скупают и потом снова перепродают его русским купцам, получая при этом известный процент» [7, 52]. Разворачиваются и маклеры-казахи, обслуживавшие сделки между русскими и казахами или выступавшие в процессе торга на стороне одного из его участников с целью повлиять на цену [8, 138].

В-третьих, отличительной чертой казахстанской торговли было традиционное гостеприимство степняка, установление неформальных связей между продавцом и покупателем, кумовство, присущая сделкам обстановка «праздника». «Киргизы видят в купцах тамыров, то есть друзей», – отмечали современники [9, 261]. Мировосприятие степняка, а степи

Центральной Азии в отличие от окраинного Севера издавна были ареной крупных передвижений народов, было более открытым, да и приходил к нему, в отличие от ханты и манси, зачастую торговец-единоверец (мусульманин). Торговец на Севере, скупщик пушнины, рыбы, покупатель оленей – это «чужой», русский или делец-ижемец [10, 260]. Сказывалась и большая «закрытость» северян, в сравнении со степняками-казахами.

Наконец, главное отличие заключалось в том, что у казахов торговля, наряду с тесным соседством с русскими земледельческими поселениями, вызывала ментальные подвижки: традиционный хозяйственно-культурный тип ломался, появилось стойловое содержание скота, машинное сенокошение и даже плуги [11, 504]. Традиция теснилась соображениями интереса, в то время как Север еще сохранял свои хозяйственно-культурные модели и образ жизни [12, 50].

Литература

1. Киселев А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Ханты-Мансийск, 2008. 244 с.
2. Кириллов А.К. Пушная торговля. Энциклопедическая статья // Историческая энциклопедия Сибири. В 4 тт. Т. 2.
3. Обзор Семиреченской области за 1906 год. Верный, 1907.
4. Никольский А.М. Семипалатинская область. Энциклопедическая статья // Брокгауз-Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 57. М., 1992.
5. Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. Тюмень, 2002. 200 с.
6. Жиров А.А. Купцы-рыболовладельцы Тобольского Севера (К характеристике предпринимательской деятельности провинциального купечества Сибири) // Архивные чтения памяти Н.В. Горбаня. Тез. докл. и сообщ. Омск, 2002.
7. Обзор Акмолинской области за 1894 год. Омск, 1896.
8. Литвинова Т.К. К вопросу о формировании национального торгового капитала в Казахстане // Уч. зап. Казахского гос. ун-та. Т. XXVIII. Сер. Экономическая. Вып. II. Алма-Ата, 1957.
9. Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении. СПб., 1912. 314 с.
10. Белявский Ф.Н. Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семёнова-Тянь-Шанского. Т. XVI. Западная Сибирь. СПб., 1907.
11. Шульце-Гевеверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб. – М., б.г. 506 с.
12. Вебер М. Протестантская этика // Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

References

1. Kiselev A.G. Firma na rynkah Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale HH vv. Hanty-Mansijsk, 2008. 244 s.
2. Kirillov A.K. Pushnaja trgovlja. Jenciklopedičeskaja stat'ja // Istoricheskaja jenciklopedija Sibiri. V 4 tt. T. 2.
3. Obzor Semirechenskoj oblasti za 1906 god. Vernyj, 1907.
4. Nikol'skij A.M. Semipalatinskaja oblast'. Jenciklopedičeskaja stat'ja // Brokgauz-Efron. Jenciklopedičeskij slovar'. T. 57. M., 1992.
5. Poljakov I.S. Pis'ma i otchety o puteshestvii v dolinu r. Obi, ispolnennom po porucheniju Imperatorskoj Akademii nauk. Tjumen', 2002. 200 s.
6. Zhirov A.A. Kupcy-rybopromyšlenniki Tobol'skogo Severa (K karakteristike predprinimatel'skoj dejatel'nosti provincial'nogo kupechestva Sibiri) // Arhivnye chtenija pamjati N.V. Gorbanja. Tez. dokl. i soobw. Omsk, 2002.
7. Obzor Akmolinskoj oblasti za 1894 god. Omsk, 1896.
8. Litvinova T.K. K voprosu o formirovanii nacional'nogo torgovogo kapitala v Kazahstane // Uch. zap. Kazahskogo gos. un-ta. T. XXVIII. Ser. Jekonomičeskaja. Vyp. II. Alma-Ata, 1957.
9. Rajon zheleznoj dorogi Petropavlovsk – Spasskij zavod v jekonomičeskom otnošenii. SPb., 1912. 314 s.
10. Beljanskij F.N. Raspredelenie naselenija Zapadnoj Sibiri po territorii, ego jetnografičeskij sostav, byt i kul'tura // Rossija. Polnoe geografičeskoe opisanie našego Otechestva. Nastol'naja i dorozhnaja kniga pod red. V.P. Semjonova-Tjan#-Shanskogo. T. XVI. Zapadnaja Sibir'. SPb., 1907.
11. Shul'ce-Gevernec G. Očerki obwestvennogo hozjajstva i jekonomičeskoj politiki Rossii. SPb. – M., b.g. 506 s.
12. Veber M. Protestant'skaja jetika // Izbrannye proizvedenija. M., 1990. 808 s.